

УДК 821.113.6.

**ПРЕОБРАЗОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ ОБ ЭПОХЕ ВИКИНГОВ
В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ШВЕЦИИ****Н.Г. ШПАКОВСКАЯ***(Белорусский государственный университет, Минск)*

Анализируется ряд современных шведских романов, сюжет которых связан с эпохой викингов. Характеризуются основные мотивы, актуализированные писателями в контексте данного исторического периода. Утверждается, что репрезентация эпохи викингов сегодня зависит от ценностей, проблем и взглядов, присущих времени творчества авторов. Делается вывод о том, что современные романы о викингах корректируют представление шведов о своем прошлом, т.е. участвуют в преобразовании культурной памяти.

Ключевые слова: культурная память, литература Швеции, эпоха викингов.

Введение. Один из основоположников концепции культурной памяти Ян Ассман полагает, что нет памяти, отражающей прошлое, каким оно было, культурная память постоянно «реорганизуется сменяющимися контекстными рамками движущегося вперед настоящего» [1, с. 43].

В данной статье исследуется репрезентация эпохи викингов в современной литературе Швеции в контексте трансформации культурной памяти нации. Обращение именно к этому историческому периоду обусловлено рядом причин.

Во-первых, в последнее время наблюдается резкий рост количества художественных произведений, связанных с викингами. Пик интереса к этому культурному архетипу как в самой Скандинавии, так и за ее пределами, пришелся на 2016–2017 годы. В 2016 г. авторитетный шведский исследователь Ларс Лённрот представил новый перевод сборника древнескандинавских мифов «Младшая Эдда», художник Юхан Егеркранс выпустил книгу иллюстраций «Северные боги», писательница Элизабет Ёстнес издала трилогию «Сага о Турид», английская писательница Франческа Симонс завершила работу над романом о богине Хель «Ребенок-монстр», ее коллега Джоанн Харрис выпустила книгу «Евангелие от Локи», американский писатель-фантаст Рик Риордан опубликовал роман «Молот Тора». В 2017 г. вышла первая часть графического романа Сары Бергмарк Эльфгрэн и Карла Юнссона «Вей», детский писатель Мартин Видмарк издал серию рассказов «Хальвдан-викинг», английский писатель Нейл Гейман предложил свою версию эдических сказаний в книге «Северные мифы» – и это только самые громкие релизы. Причина такого возросшего интереса к древнескандинавской мифологии и викингам может быть связана с теми общественно-политическими реалиями, в которых мы живем, пишет Мария Фриеднер в ведущей шведской газете «Dagens Nyheter»: «Сейчас у нас есть Netflix, Tinder и Swish, но мы все равно боимся Рагнарёка. Нам, живущим сегодня, вполне может казаться, что мы живем на пороге апокалипсиса. Катастрофа за катастрофой – экологические проблемы, правые экстремисты, свежий твит Дональда Трампа заставляют нас быть в постоянном напряжении. Когда же ждать удара?» [2]

Во-вторых, именно образ викинга считается самым насыщенным по своей коннотации из всех определений, когда-либо даваемых скандинавам. В разное время он был призван отражать различные грани характера шведов, но всегда был задействован в формировании их культурной идентичности. Как пишет Эндрю Уон в книге «Викинги и викторианцы», неоднозначность термина «викинг» создает большое разнообразие конструкций того, что значит быть викингом: «древние северяне были пиратами и победителями, они были дерзкими, растерянными, разочарованными, незванными, дисциплинированными, усердными язычниками, благочестивыми, неумолимо жизнерадостными и саморазрушающе сибаритскими. Они одновременно любящие приключения торговцы, наемные солдаты, первооткрыватели, безжалостные пираты, независимые фермеры, владеющие современными морскими технологиями, первичные демократы, неуравновешенные берсерки, пылкие любовники и нетривиальные поэты» [3, с. 4]. Потенциал определения «викинг» в контексте формирования культурной идентичности неисчерпаем.

Говоря о сегодняшней интерпретации образа викинга в современной художественной культуре Швеции следует понимать, о каких источниках, используемых авторами в качестве базы для воплощения своих творческих замыслов, идет речь. Информация об эпохе викингов очень ограничена и в основном выражена в форме археологических находок, рунических камней, рукописей саг и мифов, записей в древних хрониках. Ни один из этих источников не может быть воспринят как неопровержимый факт. Например, записи, сделанные Адамом Бременским и Ибн Фадланом, – это субъективное описание нра-

вов «неверных» глазами соответственно христианского и исламского проповедников. Рукопись «Codex Regius», ставшая основой для сборника мифов «Старшая Эдда», так же, как и «Младшая Эдда», и сборник королевских саг «Круг земной» исландского политика и скальда Снорри Стурлусона, составлены уже после принятия Скандинавией христианства и в силу этого должны рассматриваться с определенной долей критики. Новую информацию о времени викингов дают археологические находки, однако каждый обнаруженный артефакт должен быть истолкован, и зачастую он включается в общую картину прошлого на тех условиях, что определены парадигмой настоящего. Например, раньше находки в виде длинных металлических жезлов в женских захоронениях обозначались как части светильника, приспособления для измерения ткани, шампуры для приготовления пищи, что, так или иначе, включало их в общую картину тех предметов, что могли быть нужны женщине-домохозяйке эпохи викингов. По мере актуализации гендерного дискурса в археологии они получили статус магических посохов прорицательниц-вельв, говорящих о высоком социальном положении своих обладательниц. Лисе Норденборг Мире утверждает в статье «Археология и нацизм: оккупация сферы исследования», что значение материальных следов (археологических находок) – это всегда конструкции, которые базируются на значении актуальных научно-теоретических принципов. Согласно Мире, даже если подобное конструирование берет начало в личном мотиве, осознанно или неосознанно находящемся под политическим влиянием индивида, формируются и контролируются конструкции в рамках актуальных взглядов на науку и знание. Толкования либо принимаются, либо признаются неверными в рамках существующей структуры [4, с. 71].

Завершающий период германского железного века, названный позднее эпохой викингов, был предметом повышенного интереса со стороны исследователей со времен зарождения истории как науки в Швеции. Короткий временной отрезок продолжительностью около 400 лет приобретал новые черты в каждом столетии, в зависимости от мотивов тех, кто закладывал основу развития национальной истории и культуры Швеции.

В 17 веке, когда история отделилась от теологии и закрепилась как отрасль науки в Швеции, королевство проводило активную политику военной экспансии и захвата новых территорий. Это было время войн и эпидемий, время судебных процессов над ведьмами и захвата территорий, время для написания истории новой империи. Эта обязанность легла на плечи историка Улофа Рудбека, который считал, что нордические песни были предтечами римских и греческих эпосов, а Швеция была культурным первоходом Атлантидой. Рудбек был также уверен, что руны – самый древний алфавит, а античные и восточные боги брали начало в шведском храме Уппсалы [5].

В 18 веке большое влияние получил труд Улофа Далина «История Шведского королевства» и работа с аналогичным названием Свена Лагербринга. Оба ученых идеализировали систему правления эпохи викингов, на что, несомненно, могло влиять их критичное восприятие современной им монархии.

В 1809 г. Швеция потеряла Финляндию, что стало национальным шоком для многих ее жителей, территория королевства уменьшилась примерно на треть. Перед властями, историками и литераторами стала задача укрепить чувство национальной идентичности и солидарности. Укрепление любви к родине проходило на основе восстановления связей со славным прошлым. В 1811 г. было создано Готистское общество, духовным лидером которого стал поэт Эрик Густаф Гейер – не только литератор, но и общественный деятель, учитель кронпринца Оскара, член Шведской академии, депутат риксдага, профессор истории, автор трудов по истории Швеции «История шведского народа» и «Традиции Шведского королевства». В течение 1811–1824 гг. общество издавало литературный журнал «Идуна». Члены союза создали романтический образ викинга – рослого светловолосого голубоглазого сверхчеловека, – который впоследствии долго определял взгляды шведов на их героическое прошлое.

В 1909 г. в Швеции был принят закон о всеобщем голосовании для мужчин, в 1921 г. право голоса получили женщины. Викинги и тинг, где каждый свободный мужчина имел право голоса, стали символом демократии.

Постепенно фокус сместился с древнескандинавского наследия на древнегерманское. В 1913–1924 и в 1932–1939 гг. выходила серия книг Карла Гримберга «Удивительные судьбы шведского народа» – научно-популярная история для широкой аудитории. Согласно Гримбергу, имея общие германские корни, северяне позитивно выделялись на фоне своих западных соседей: в Скандинавии, в отличие от Германии, сохранились руны и саги. Исследователь пришел к заключению, что северяне были лучшими из германцев. Несмотря на то, что Гримберг никогда не высказывал пронацистских идей, его труд отмечен тем исследовательским климатом, что доминировал накануне войны.

В послевоенное время подчеркивается мирная сторона жизни викингов. Делается акцент на том, что большинство древних скандинавов сражались не с мечом, а с лопатой, чтобы выжить. Викинг изображается обездоленным крестьянином, вынужденным отправляться в военные походы, чтобы прокормить семью.

В 1900-е г. выходят новые переводы саг. Объяснение этому дает Пер Висельгрэн в своем издании перевода «Саги об Эгиле»: согласно исследователю, национал-романтики разрушили статус древнескандинавской литературы в шведском культурном наследии. «Саги нужно переводить заново, т.к. были созданы ложные представления о жизни древних скандинавов, которые посредством Тегнера и других представителей нордического ренессанса были влиты в наше сознание. Нужно провести черту между историей и романом» [6, с. 5], – писал Висельгрэн в предисловии к своему переводу. Спустя 65 лет исследователь древнескандинавской литературы Ларс Лённрот повторил эту идею, утверждая, что сага застряла в «национальной истории или ура-патриотическом социал-реализме» [7, с. 8]. Лённрот анализировал характер принятия древнескандинавского наследия и подчеркивал, что мифы и саги были «переписаны», в частности, чтобы быть использованными в политической пропаганде.

В конце 1990-х гг. актуализируется гендерная проблематика в контексте эпохи викингов. Йенни Йошен аргументирует, что женщина могла стать значимым общественным фактором посредством родства и замужества. Эту идею поддерживает Биргит Сойер, исследуя семейную жизнь в эпоху викингов с акцентом на роль и статус женщины. Нанна Дамхольт утверждает, что женщины в дополнение к ответственности за ведение домашнего хозяйства могли иметь экономическую власть и влияние. Эльсе Мюндаль исследовала положение женщины в сфере управления и пришла к выводу, что властью обладал не только конунг, но и его жена [8].

В 2000-е гг. активно дискутируется связь викингов с другими народами, восприятие древними скандинавами других культур и культурный симбиоз как результат морских путешествий. Необходимость деконструкции национал-романтического образа викинга вызвана, в первую очередь, тем, что он активно используется правосторонними движениями как символ истинной Швеции. Группировка дружинников «Сыновья Одина» патрулировала улицы королевства в кризисный 2015 год, обосновывая это необходимостью поддержания порядка. Радикальные течения находят в древнескандинавской мифологии и эпохе викингов в целом, как и нацисты в 30–40-е гг., те символы, что могут быть использованы в идеологических целях. Сегодня большинство шведов считает, что викинги не имеют никакого отношения к их культурной идентичности, представляя собой коммерциализированный Голливудом и радикализированный неонацистами фрагмент истории их страны. Однако такое представление не отрицает того факта, что эпоха викингов по-прежнему является компонентом культурной и исторической памяти шведов, яркой формой, которая может быть наполнена противоречивым содержанием.

Если часть исследователей сознательно отвергает роль эпохи викингов в истории Швеции, рассматривая период как литературно-политическую конструкцию, возникшую в 19 веке [9], другая часть пытается спасти викингов от забвения, расставляя акценты таким образом, что очищенный от пафоса национал-романтизма викинг предлагает новые возможности для культурной идентификации. В частности, внедряется идея, что викинги были своего рода медиумами между Севером и остальным миром. «Согласно мифам, древние скандинавы поклонялись изначально группе богов, называемых ванами, асы же были переселенцами, – пишет Мария Фриднер в газете *Dagens Nyheter*. – Это значит, что Тор и его известный миру молот не являются символом национализма и ксенофобии – вполне возможно, он сам был мигрантом» [2].

Исследователи также подвергают сомнению монолитность древнескандинавской мифологии, которая сегодня питает многие правосторонние группировки. Стефан Бринк пишет в своем исследовании «Насколько однородна была древнескандинавская религия?», что географическое распределение наименований поселений, относящихся к языческим божествам, показывает, что культ древнескандинавских богов имел гораздо больше вариаций, чем это может показаться из учебников [10]. Археолог Фредрик Сванберг дискутирует региональные вариации и различия похоронных традиций эпохи викингов. Сванберг полагает, что общая тенденция сводить культурные различия к культурным вариациям, присущая скандинавским археологическим исследованиям, обусловлена прямым или косвенным пережитком националистического интереса определения эпохи викингов как гомогенной скандинавской культуры. Ученый признает наличие надрегиональной политической элиты с общими религиозными и культурными чертами, он не верит в наличие единой гомогенной скандинавской культуры эпохи викингов [11].

К похожему заключению приходят участники исследовательского проекта под названием «Дороги к Мидгарду. Нордическое язычество в долгосрочной перспективе» [12]. Проект был реализован в 2001–2003 гг. на базе университета г. Лунд. Он объединил 13 исследователей, и его результаты были довольно широко освещены в прессе. Согласно руководителю этого исследования Андерсу Андрену, описанная Снорри Стурлусоном дохристианская вера была распространена только в кругах аристократии и насчитывала не так уж и много последователей. Остальное население Скандинавского полуострова поклонялось различным существам (эльфам, великанам, норнам и т.п.) и не имело единой религии.

Таким образом, сегодня в Швеции ярко проявляется тенденция развенчать миф о викингах. Однако в силу того, что источники об этом времени весьма скудны, деконструкция одного мифа априори предполагает создание другого.

В данной работе предпринята попытка охарактеризовать эпоху викингов, отраженную в текстах современной культуры Швеции. В силу того, что эпоха викингов всегда имела ключевую роль в конструировании культурной идентичности шведов, анализ современной репрезентации этого периода даст возможность увидеть основные конфликты, предметы обсуждения и ценностные доминанты, характерные для шведского общества в начале нашего века. В качестве произведений для анализа взяты романы «Фрейя» (2002), «Идун» (2003), «Сага» (2004), «Сигрид» (2014) и «Эстрид» (2016) из серии «Сага о Вальхалле» писательницы и журналистки Йоханны Хильдебрандт, а также книги «Королевская дочь» (2015), «Военное время» (2016), «Богиня воронов» (2016) из серии «Сага о Турид» Элизабет Ёстнес.

Цель статьи: охарактеризовать современную литературную интерпретацию эпохи викингов в контексте трансформации культурной памяти шведов.

Основная часть. Элизабет Ёстнес концентрируется на закате эпохи викингов, когда христианство постепенно забирает власть у язычества, а морские походы стали уже частью истории. Перед читателем открывается неприглядная картина древнескандинавского декаданса. Как пишет литературный критик Андреас Паймаер, «викинги Ёстнес скорее жертвы, чем завоеватели» [13]. В романах Йоханны Хильдебрандт повествуется о древнескандинавских богах, которые представлены враждующими между собой конунгами и королевами, жрецами и жрицами. В двух заключительных в серии «Сага о Вальхалле» книгах речь идет о королеве Сигрид Стуррода, исторические источники о жизни которой настолько скудны и противоречивы, что современникам остается только фантазировать [14].

Первое, что замечаешь при знакомстве с героями современных романов об эпохе викингов, – это несоответствие их внешнего облика тем нормам и стандартам, что установлены большинством в актуальном им обществе. Королевская дочь Турид в трилогии Элизабет Ёстнес «Сага о Турид» с самого раннего детства чувствует, что она полна изъянов. У нее темные непослушные волосы и темные глаза. Среди светлолицых скандинавов героиня чувствует себя безобразным троллем. Атипичная внешность досталась Турид в наследство от матери, что была родом с дальнего севера. Поиск себя становится одним из ключевых мотивов в трилогии. По мере взросления героиня становится главной в доме и принимает на себя ответственность не только за себя, но и за свою строгую мачеху, конунга-отца и свою деревню. Турид открывает в себе унаследованную по материнской линии способность путешествовать в мир духов и постигает дар вельвы-жрицы своей мачехи, таким образом соединяя сакральные элементы двух различных культур – древнескандинавской и саамской. Следуя по метафорической дороге к себе, Турид часто задается вопросом, кто же она на самом деле. Обстоятельства вынуждают ее примерять различные роли: из дочери конунга она превращается в изгоя, потерявшего все, что у нее было; она становится женой, обладательницей боевого копья и предводительницей беженцев в поисках нового дома. Во время своего путешествия Турид встречает представителей различных культур: цыган, у которых нет богов; христиан, которые поклоняются Иисусу; кельтов, практикующих кровавые ритуалы во имя своих божеств; воинов-эйнхериев, верящих в мир духов. Каждая встреча заставляет героиню задуматься о незыблемости собственной веры. В большинстве случаев она чувствует общность с новой для себя культурой, стремится впитать в себя ее возможности и открыть в себе непознанные грани своих способностей. Однако иногда на смену восхищению новой культурой приходит разочарование. В романе «Богиня воронов» показывается, как часто религия используется в политических целях. В рамках одной и той же конфессии может быть совершенно разное отношение к богам, людям, власти и смерти. Наиболее показательной была встреча Турид с настоятелями двух христианских монастырей. Во главе одного из них стояла аббатиса-жрица, поклоняющаяся одновременно Деве Марии и языческой Матери-Богине. В этом храме Господа сам лик Иисуса всегда был скрыт от взглядов монахинь, только аббатиса имела право приблизиться к деревянной статуе Святого, что создавало ореол таинственности и помогало ей поддерживать свой статус. Открывшая лицо Иисуса Турид приговаривается к смерти за нарушение таинства и поклонение языческим богам. Приговор выглядит особенно жестоким на фоне тесных связей аббатисы со своей сестрой-жрицей, приближенной к языческому королю. Турид сажают в ладью без весел, чтобы море и ветер определили ее судьбу. Корабль выносит на берег, где расположен мужской христианский монастырь. Здесь героиня получает пристанище, несмотря на свою языческую веру.

Сомнению подвергается не только христианство, но и многобожие. Ритуал, посвященный Богу-Отцу, превращается в хладнокровное убийство из корыстных побуждений. Ирландский король обрекает на смерть собственного сына, провозглашая, что он был избран стать священной жертвой богу-олену. И несмотря на то, что жребий пал на другого, все присутствующие на церемонии вторят словам предводителя, не желающего передавать трон наследникам.

Пережив все несчастья, Турид теряет связь со своей богиней, Фрейя больше не слышит ее, не отвечает на ее мольбы. Героиня проходит через духовный кризис, связанный с потерей своей идентичности и веры в себя. Однако постепенно к ней возвращается осознание того, кто она. Дорога к себе оказывается самой сложной из всех, и помощь приходит неожиданно – силу преодолеть все невзгоды дают воспоминания: ее брат, отец и мачеха – все, кого она потеряла, но кто оставил след в ее сердце. Турид находит свой дом далеко на севере, на земле саамов. Среди последовавших за ней людей есть скандинавы, ирландцы и христианские монахи. Все они, рука об руку, строят общий дом, чтобы укрыться от зимы и начать новую жизнь. В таком соединении культур Турид больше не сомневается в собственной идентичности: «Я Турид-вельва, Турид-путешественница и Турид, что может проникнуть в мир духов. Я Турид... Я. Есть» [15, с. 296]. Результатом поисков героини становится ее осознание ценности жизни как таковой, в которой могут гармонично соединяться элементы различных культур.

В романах Йоханны Хильдебрандт «Фрейя», «Идун» и «Сага» показано следующее жесткой иерархии сообщество жриц Матери-Богини. Положение главной жрицы практически равно положению королевы.

В романе «Сага» жрицы являются также высшими судьями. К ним на тинге обращаются те, чьи права ущемлены. Жрицы выслушивают жалобы и озвучивают решение Великой Богини. Правда, служащая медиумом между мирами Сага не обладает тем даром, который позволил бы ей услышать богиню. Каждое ее слово – ложь, однако, сказать правду в сложившейся ситуации – значит подлить масла в огонь междоусобной розни. Верховная жрица Фрейя пытается предотвратить начало войны путем угроз. Она держит два враждующих народа в страхе перед своим сейдом и наложением проклятия в случае неповиновения.

В то же время группа жриц не однородна. Не все они признают верховенство Фрейи – живого воплощения Великой Богини на земле. Свое недовольство возросшей властью верховной жрицы они вымещают на ее внучке Саге. В решающей битве с королевой Альфхейма они переходят на сторону врага, тем самым предавая не только род Фрейи, но и саму Великую Богиню, которой они поклонялись.

Роль религии в королевских заговорах более полно показана в романах «Сигрид» и «Эстрид». Юная Сигрид становится женой короля свеев, чей трон находится в Убсале – месте расположения священного для язычников храма. Искренне поклоняющаяся богам Сигрид не понимает, почему ее муж относится к храму и служащим в нем жрицам и жрецам крайне скептически. Постепенно она осознает, что задействованные в ритуальных практиках лица стремятся гораздо больше получить личную выгоду, чем исполнить свои обязательства перед богами. Так называемые гуды и гинды носили маски тех богов, которым служили, они были воплощением богов в этом мире, они выражали волю богов. Во время свадебной церемонии Сигрид не чувствует разницы между богами и гудами, она целует ткань одежды гуда Тора, за что позже получает выговор от мужа-конунга. Битва за власть шла не только между королем и жрецами, но и между самими жрецами, служащими разным богам.

Со временем Сигрид учится использовать закулисные конфликты между жрецами и жрицами. Статус слуг богов настолько непоколебим среди простых смертных, что их ложь ни у кого не вызывает сомнений.

Могущество языческих служителей может поколебать только христианство. Желание конунгов избавиться от разросшейся системы жрецов с их неумолимо растущими запросами способствует распространению христианства в Скандинавии. Новая религия становится предметом торга между Севером и Западной Европой: конунги принимают крещение, если это стратегически или экономически выгодно. Король данов Свенд пытается балансировать между двумя религиями, будучи крещенным, но оставаясь язычником в душе. В отличие от норвежского короля Олофа Трюгварссона и своего предшественника на троне Харальда Синезубого, он не объявляет язычество вне закона. Йоханна Хильдебрандт заканчивает серию о Сигрид довольно идеалистично: «священной свадьбой» короля данов Свенда и королевы-матери свеев Сигрид, объединением двух народов, единением двух религий – христианства и язычества.

Несмотря на то, что герои Хильдебрандт напрямую связаны с культом и зачастую ждут от богов совета и помощи, в книгах лейтмотивом звучит мысль о том, что судьба человека находится в его собственных руках.

«Ты хочешь знать, почему Богиня не выбрала тебя? – спрашивает верховная жрица Фрейя свою глухую к воле богов внучку Сагу. – Как кто-либо мог тебя выбрать, если ты не решаешься увидеть свою собственную силу и значимость?» [16, с. 115]

Умирая, Фрейя осознает, что люди создавали богов, питали их своими чувствами. Всю жизнь следующую воле богини Сигрид узнает, что так и не исполнила ничего из своего предназначения, все ее жертвы были не ради служения богине, а в силу ее собственного стремления к власти. В конце своего духовного поиска дочь Сигрид Эстрид понимает, что все боги и богини были едины.

Посредством литературного творчества Хильдебрандт утверждает идею о том, что время развивается по спирали и все события, так или иначе, повторяются. Ее Фрейя «рождалась, чтобы стать жрицей, жизнь за жизнью. Всегда она искала Тора. Всегда их человеческое сумасшествие разлучало их. И все же они были едины» [16, с. 363]. Где-то в вечности, где ни место, ни время не имеют значения, вертится спираль, и у каждого человека есть свое предназначение в отведенном ему на земле времени. О своей судьбе в романах задумываются только представители аристократичных родов, но, следуя логике сюжета, можно предположить, что этот закон един для всех – независимо от статуса в обществе, вероисповедания и национальности. Все книги серии «Сага о Вальхалле» следуют, по сути, одной модели: потеря и стремление к обретению рая. Причиной Рагнарёка всегда становится жажда власти и достатка.

Йоханна Хильдебрандт не обошла стороной вопрос множественной идентичности. Созданная ею богиня Идун в одноименном романе из серии книг «Сага о Вальхалле» также обладает нестандартной внешностью: у нее ярко-рыжие волосы и хрупкое телосложение, что не считается красивым в королевстве, где она живет. Как и Турид, Идун родилась, как бы сегодня сказали, в смешанном браке: отец Идун был из асов – группы богов, противопоставляющих себя богам-ванам, из рода которых была мать Идун – самая могущественная жрица в королевстве, владеющая искусством магии. Дочь, не имеющая талантов своей матери, всегда находилась в ее тени и считала себя позором для великой жрицы. Однако Идун становится ключевой фигурой в романе. Она решается следовать за своей мечтой и бежать вслед за отцом к асам. Там, в мире, где всем правят воинственные мужчины, ее ожидает горькое разочарование, она становится жертвой и, в отличие от Турид, не успевает пройти весь путь к собственному я. Тем не менее, именно в силу ее множественной идентичности многие видят в ней шанс на объединение двух королевств.

Похожим потенциалом обладает дочь Идун Сага. Эта героиня тоже сталкивается с осуждением со стороны своего окружения в связи с тем, что она не соответствует возложенным на нее ожиданиям. Будучи внучкой самой великой жрицы Фрейи и самого мощного жреца Фрея, она не способна общаться с духами. В терзаемом междоусобными конфликтами королевстве ей приходится притворяться тем, кем она не является – жрицей, – чтобы не навлечь позор на свой род и не дать людям шанс усомниться в его силе. Сага становится, своего рода, заложницей культуры чести, которую сегодня активно обсуждают в Скандинавии в контексте уклада жизни традиционных мусульманских семей.

Эпоха примерно между 800 и 1100 гг. характеризовалась многочисленными военными конфликтами, поэтому вполне естественно, что романы о викингах включают в себя повествование о войне. В проанализированных произведениях викинги больше не отправляются в дальние путешествия, ведомые тягой приключений и абсолютной свободы, как писали романтики в 19 веке. Они не идут в викинги, чтобы раздобыть средства для выживания в неплодородной и холодной Скандинавии, как стало актуально предполагать в конце 20 века. Они нападают на своих соплеменников, не зная пощады и меры, потому что война стала для них привычным занятием, потому что грань между человеком и зверем очень хрупка.

Наиболее ярко война описывается в трилогии Элизабет Ёстнес. Ее картина происходящего настолько реалистична, что читатель оказывается в самой гуще событий – среди разъяренных воинов-эйнхериев или в опустошенном доме с мертвыми хозяевами на полу. Впервые главная героиня Турид видит кровавые паруса варягов, будучи ребенком. Она видит своего отца-конунга и мачеху-вельву, отражающих удар. Эта битва становится одной из страшных сказок, но однажды варяги приходят снова, и в этот раз битва проиграна. Деревня сгорает в огне, отец и мачеха погибают в бою, Турид теряет все и всех, кто у нее был. Рядом остается только рабыня Унна. Так начинается бегство героини и ее путешествие к новому дому.

Варяги нападают повсеместно, и население деревень, чувствуя угрозу, становится враждебным по отношению к чужакам. В романе хорошо показаны психологические изменения, которые влечет за собой война. Страх заставляет людей закрывать двери перед теми, кому нужна помощь, и отворачиваться от тех, знакомство с кем может навлечь беду. На своем пути Турид встречает племя цыган. Глава табора рассказывает, что в мирное время его людям везде рады, но с началом войны на них объявляют охоту.

Осуждение войны происходит и за счет деконструкции романтического образа викинга-героя, для которого участие в битве открывает путь в Вальхаллу. Закон чести воина, неотъемлемая часть милитаризованного патриархального общества, подвергается критике. Муж Турид отказывается участвовать в бою, что делает его позором в глазах его семьи. Постыдное клеймо труса меняет его жизнь. Отец Фроде больше не считает его своим сыном и отказывается разрешить молодым супругам переступить порог его дома, как того требует свадебный обряд. Турид и Фроде вынуждены спать в конюшне, потому что сын конунга не показал себя в бою. Интересно, что, когда Фроде описывает свои чувства, возникшие у него при встрече с неприятелем, они полностью совпадают с тем, что происходило в душе Турид, тоже

оказавшейся лицом к лицу с варягами. Тем самым подчеркивается гендерно нейтральный характер войны: у мужчин и женщин может быть одинаковая реакция и одинаковые чувства, будь то страх или гуманизм. «Это так бессмысленно. Мир полон смертей. Зачем убивать еще больше? Разве не достаточно болезней и голода?» – говорит Фроде. «Речь идет о чести», – отвечает ему Турид, но Фроде отвергает эту мысль, сомневаясь в существовании Вальхаллы – того рая, что обещан всем славным воинам в награду за их смелость. Более того, Фроде высказывает надежду на то, что после смерти их ждет что-то другое: «Я не дал бы много за вечную жизнь, полную поединков на мечах» [15, с. 55].

Война стала работой для племени эйнхериев. В мифологии это те воины, что попали в Вальхаллу. В романе это наемники кельтского происхождения, способные принимать облик зверя в бою. Им все равно, на чьей стороне воевать. Они приносят победу тому, кто больше заплатит. Они неистовы в битве и беспощадны. Это элитное войско, представляющее собой стаю диких хищников. Им даже не нужна Вальхалла как стимул. Они не верят в богов и воздаяние. Они просто не умеют больше ничего кроме как убивать. Они совершенное оружие в руках дерущихся за власть конунгов.

Война следует за Турид из поселения в поселение. Прибыв в Ирландию с просьбой о помощи, она оказывается в самом центре очередного конфликта интересов. Стремясь предотвратить междоусобную распрю, Турид участвует в заговоре против местного короля, но скоро понимает, что кровь прольется в любом случае, и что у почитаемой здесь Матери-Богини есть скрытый и презираемый всеми лик Богини воронов, темная сторона алчных интриг, скрывающаяся за фасадом благопристойности и жертвенности.

В конце своего пути Турид находит «обетованную землю», которая должна стать ее домом. Дорога домой идет параллельно духовной дороге к себе самой. И когда на горизонте снова видны красные паруса, в этот раз Турид точно знает, кто она, знает, что ей больше некуда бежать, и что она будет защищать свой вновь обретенный дом до конца.

В трилогии Элизабет Ёстнес интересна судьба рабыни Унны – спутницы главной героини Турид. Как и королевская дочь Турид, Унна ищет свой дом, но в отличие от Турид, она не может принимать решения и выбирать маршрут, ее поиск пассивен и во многом обусловлен дорогой ее хозяйки. Во время путешествия Унна рассказывает, что ее мать, вывезенная викингами из Ирландии, была из королевского рода. Будь Унна у себя на родине, она бы тоже была королевской дочерью – как и Турид, но в мире викингов она всего лишь рабыня – существо без чести и достоинства. Автор в лице Турид осуждает работорговлю и рабство. Честь и достоинство есть у каждого человека, независимо от его социального положения, – утверждает в романе.

Унна получает свободу и следует за Турид уже как сестра и подруга. Прибыв в Ирландию, на родину своих предков, Унна верит, что нашла свой дом. Не чувствуя общности с древнескандинавской религией, она с восторгом принимает христианство – новую веру, которая обещает рай не только воинам, павшим в бою, но всем, в т.ч. слабым и угнетенным, детям и женщинам.

Война – привычный фон в серии романов Йоханны Хильдебрандт. Противостояние различных племен здесь также связано с жаждой власти. Тема беженства наиболее полно раскрывается в романе «Сага». Жители пораженного чумой Ванахейма переселяются в процветающий Альфхейм. Сначала их встречают благосклонно, но со временем радушие сменяется презрением и ненавистью. Королева Альфхильд потребовала половину всего, чем владели ваны, за право нахождения на ее землях. Тех, кто не мог платить, лишали их дома и надела. Жителям Альфхейма казалось, что ваны злоупотребляют их гостеприимством, мошенничают, не соблюдают правила рыбной ловли, становятся причиной экономических неурядиц. Недовольство переросло в бунт и поджог усадеб. Мирному соседству двух народов был положен конец.

В центре романа оказывается судьба жертвы междоусобиц – крестьянской девушки Асты. В шестилетнем возрасте Аста переживает жестокое убийство своей матери и насилие со стороны воинов королевы. Эта травма не дает ей покоя. Аста делает месть смыслом своей жизни, и месть превращает ее в убийцу. По законам правосудия ей грозит суровое наказание, но в условиях начавшейся войны ее преступление приравнивается к убийству в битве. Самосуд становится оправданной мерой. Хильдебрандт удалось показать, как война превращает человека в безликий болтик в огромной системе и разрушает адекватные принципы функционирования общества. Любой закон можно истолковать так, как выгодно тем, кто обладает властью. Жизнь человека становится незначительной жертвой во благо интересов большинства.

Осуждение войны звучит еще громче в романе «Эстрид». Как когда-то Гюстав Флобер в «Мадам Бовари», Хильдебрандт показывает вражду между двумя кланами глазами только одной стороны – потенциальных победителей. Объявленный вне закона род Анунда предстает в облике беспощадных и беспринципных преступников, нарушивших законы перемирия, загнанных в угол зверей, не желающих признать первенство рода Скилфингов. Скилфинги становятся жертвами яростных атак обозленных хищни-

ков из семьи Анунда, проявленная Скилфингами милость к женщинам и детям враждебного клана приводит к новой волне агрессии со стороны Анундов. Но когда дочь главной героини романа Сигрид Скилфинг становится заложницей Анундов, ей открывается вторая сторона конфликта. И хоть, будучи с детства воспитанной в ненависти к Анундам, Эстрид не верит словам своего врага, читатель волен делать собственные выводы. Хильдебрандт показывает, что оба клана не уступают друг другу в жестокости, что война не заканчивается на поле боя, она свирепствует в обычных домах, где пытаются укрыться женщины и дети. Жажда власти лидеров становится причиной роста ненависти между народами. Солдаты истребляют не только вооруженных противников, они истязают и истребляют детей и женщин, любая милость приравнивается к слабости, а проявление слабости чревато потерей статуса даже в своем собственном клане.

Таким образом, в проанализированных книгах война практически лишена элемента героизма и пафоса: Йоханна Хильдебрандт делает акцент на том, что часто в войне нет правых и виноватых, обычные люди страдают из-за жадности власти своих руководителей; Элизабет Ёстнес показала войну, в первую очередь, глазами безоружных жертв и беженцев. Войне противопоставляется стремление мирного сосуществования людей разных национальностей и религий, подчеркивается, что зачастую восприятие той или иной религии зависит от действий исповедующих ее людей: нет плохой или хорошей религии, есть плохие или хорошие люди, которые пользуются своим положением, чтобы навязать другим ложные представления, позволяющие им еще прочнее укрепить свой статус. Культурный релятивизм дает возможность авторам также внедрить в свои произведения актуальные сегодня идеи равенства между людьми в целом, а также мужчинами и женщинами в частности. В книгах Ёстнес происходит деконструкция стереотипного образа викинга-воина, главные герои писательницы показаны носителями современных гуманистических ценностей.

Заключение. Современную интерпретацию эпохи викингов в литературе Швеции можно охарактеризовать следующим образом:

1. Время викингов показано кровавым периодом неутраченных междоусобиц между борющимися за власть кланами. Традиционный фокус смещен с морских завоеваний на локальные сражения (вместо стереотипного викинга-мореплавателя видим викинга-наемника в гражданских войнах) и с героя-сверхчеловека на жертву (вместо brutальных северян, держащих в страхе Западную Европу, видим детей и женщин, спасающихся от своих соотечественников).

2. Скандинавия эпохи викингов представляется местом, где соседствовали представители различных культур, религий, национальностей. Множественная идентичность видится авторам романов преимуществом, которое, несмотря на возможное неодобрение со стороны «типичного» большинства, могло стать залогом развития сильной личности и культурного единения.

3. Эпоха викингов показана временем, в котором положение свободных женщин зависело от статуса их мужей. Женщина могла также получить высокий ранг в обществе благодаря участию в ритуальных практиках. С другой стороны, традиционные гендерные установки подвергаются пересмотру: в центре произведений стоят сильные женщины, которые принимают ответственность за свой род или народ.

4. В контекст эпохи викингов вводится идея равенства между людьми, а также идея равенства между религиями, подчеркивается роль человека в осуществлении им своей судьбы.

Итак, современная интерпретация эпохи викингов значительно отличается от представлений об этом периоде, доминирующих в 19 и 20 вв. Актуальные «контекстные рамки» реорганизуют культурную память посредством поднимающих насущные проблемы текстов современной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
2. Friedner M. Rådsla för Ragnarök kan ligga bakom ny trend / M. Friedner // Dagens Nyheter. – 2017. – 10 sept. – S. 16.
3. Wawn, A. The Vikings and the Victorians: Inventing the Old North in Nineteenth-century Britain / A. Wawn. – Martlesham : Boydell & Brewer Ltd, 2002. – 434 p.
4. Andrén, A. Myter om det nordiska: mellan romantik och politik / A. Andrén, C. Raudvere, K. Jennbert. – Lund : Nordic Academic Press, 2001. – 189 s.
5. Wallestte, A. Sagans svenskar: synen på vikingatiden och de isländska sagorna under 300 år / A. Wallestte. – Malmö : Sekel, 2004. – 410 s.
6. Egil Skallagrímssons saga, översatt från isländskan av Per Wieselgren. – Stockholm : Bonnier, 1930. – 360 s.
7. Isländska mytsagor / L. Lönnroth. – Stockholm : Atlantis, 1995. – 135 s.
8. Arwill-Nordbladh, E. Genuskonstruktioner i nordisk vikingatid: förr och nu / E. Arwill-Nordbladh. – Göteborg : Institutionen för arkeologi, Univ., 1998. – 280 s.

9. Hagerman, M. Det rena landet: om konsten att uppfinna sina förfäder / M. Hagerman. – Stockholm : Prisma, 2006. – 464 s.
10. Brink, S. How Uniform Was the Old Norse Religion? / S. Brink // Learning and Understanding in the Old Norse World: Essays in Honour of Margaret Clunies Ross. – Turnhout : Brepols Publishers, 2007. – P. 105–136.
11. Raudvere, C. More than Mythology. Narratives, Ritual Practices and Regional Distribution in pre-Christian Scandinavian Religions / C. Raudvere, J.P. Schjødt. – Lund : Nordic Academic Press, 2012. – 288 p.
12. Söderholm, C. På jakt efter Nordens hedendom [Electronic resource] / C. Söderholm // Populär historia. – 2001. – № 5. – Mode of access: <https://populärhistoria.se/vetenskap/arkeologi/pa-jakt-efter-nordens-hedendom>. – Date of access: 16.09.2018.
13. Palmaer, A. Magiska krafter: Vikingasaga utan unken våldsromantik / A. Palmaer // Dagens Nyheter. – 2017. – 2 jan. – S. 16.
14. Ahlsten, J. Sigrid Storråda: sagodrottning eller kungamoder: ett historiskt debattinlägg / J. Ahlsten. – Visby : Wessman & Petterssons, 1975. – 36 s.
15. Östnäs, E. Korpudinnan / E. Östnäs. – Stockholm : Berghs förlag, 2016. – 300 s.
16. Hildebrandt, J. Saga. Sagan om Valhalla / J. Hildebrandt. – Stockholm : Forum, 2004. – 376 s.

Поступила 05.10.2018

TRANSFORMATION OF THE CULTURAL MEMORY ABOUT THE VIKING AGE IN THE MODERN SWEDISH LITERATURE

N. SHPAKOUSKAYA

Проводится анализ ряда современных шведских романов, сюжет которых связан с эпохой викингов. A number of contemporary Swedish novels about the Viking Age are analyzed. The main motives actualized in the context of this historical period are characterized. It is argued that a modern representation of the Viking Age depends on contemporary values, challenges and views. It is claimed that contemporary novels about the Viking Age correct Swedes' opinion on their past and thereby participate in the transformation of their cultural memory.

Keywords: *cultural memory, Swedish literature, the Viking Age.*